

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ТЕХНИКА
JURIDICAL TECHNIQUES

№ 7 2013
(ч. 1)

В.В. Лазарев

Лазарев Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина

Особенности аргументации позиции постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде РФ

Выступление постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации имеет то общее с другими выступлениями в любом суде любого участника судопроизводства, что оно подчиняется нравственным и общеправовым принципам, следует общим логическим канонам и обусловлено процессуальной компетенцией выступающего.

Должность постоянного представителя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации – заместителя начальника Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Представитель) была учреждена специальным Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 2 июля 1998 года № 2734-II ГД¹. Пунктом 2 данного Постановления на должность назначен доктор юридических наук Лазарев В.В.². С его участием готовилось Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 16 июля 1998 года № 2834-II ГД «Об утверждении Положения о постоянном представителе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации». Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 16 июля 1998 года № 2833-II ГД были внесены соответствующие дополнения в Регламент Государственной Думы³.

Должность постоянного представителя учреждена для представления правовой позиции Государственной Думы в Конституционном Суде РФ (далее – КС). Ранее для выполнения этой функции решением Государственной Думы по каждому делу определялись разные лица – депутаты или приглашенные специалисты. Но практика скоро обнажила ряд недостатков прежней организации. Во-первых, заседания КС не всегда совпадали с сессийной работой депутатов, и потому процесс часто шел без представителя Думы. Во-вторых, не обеспечивались единство и преемственность в проведении позиции. В-третьих, самое главное, депутаты не могли отрешиться от своих фракционных пристрастий, не могли проводить позицию Государственной Думы, если сами они воздерживались от голосования или голосовали против закона, ставшего предметом рассмотрения в Конституционном Суде. Никакого контроля за их работой в качестве представителей законодателя не осуществлялось. Следует также принять во внимание известную напряженность в отношениях законодательной и исполнительной власти и что к тому времени в заседаниях КС принимал активное участие полномочный представитель Президента в КС (должность учреждена Указом Президента от 24 апреля 1995 г.). За юридической аргументацией позиций сторон так или иначе просматривались политические пристрастия.

В названном выше Положении обязанность Представителя определена Государственной Думой в общей форме. Его компетенция и возможности обосновывать позицию законодательного органа вытекают непосредственно из закона. В соответствии с установленным законом порядком Представитель может «дать пояснения по существу рассматриваемого вопроса и привести правовые аргументы в обоснование своей позиции» (ст. 62 ФКЗ). Причем сразу же отметим, что временные параметры правового обоснования позиции не ограничены. Закон установил, что «объяснение стороны выслушивается Конституционным Судом Российской Федерации в полном объеме». Аргументация позиции дается не только в основном выступлении. В соответствии с законом (ст. 66 ФКЗ) по окончании судебного исследования заслушиваются заключительные выступления сторон и для их подготовки может

¹ В одном из интервью Е.Б. Мизулина сообщила неверные сведения, указав, что впервые эта должность учреждена в 2000 году регламентом Государственной Думы. (См.: Закон. – 2006. – № 11. – С. 13).

² Освобожден от должности Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 12 сентября 2003 года № 4315-III ГД. Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 2 июля 1998 года № 2734-II ГД признано утратившим силу Постановлением Государственной Думы от 13 февраля 2004 года № 86-IV ГД (здесь и далее автор использует возможности электронной системы «Гарант»).

³ Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 13 февраля 2004 года № 86-IV ГД названные два Постановления признаны утратившими силу и утверждено новое Положение, которое по существу повторяет предшествующее, но вводит новеллы относительно назначения и увольнения Постоянного представителя, а также его подчиненности.

быть предоставлено дополнительное время. Если после заключительных выступлений сторон Конституционный Суд признает необходимым выяснить дополнительные обстоятельства, имеющие существенное значение для разрешения дела, или исследовать новые доказательства, он выносит решение о возобновлении рассмотрения вопроса.

По окончании дополнительного исследования стороны имеют право на повторные заключительные выступления, но лишь в связи с новыми обстоятельствами и доказательствами. При этом важно учитывать, что в своих заключительных выступлениях Представитель не вправе ссылаться на документы и обстоятельства, не исследовавшиеся Судом.

Следует подчеркнуть, что при обращениях, в которых ставится под сомнение конституционность закона, стороной-ответчиком является законодатель. И, в соответствии с разъяснением Конституционного Суда РФ¹, сюда относится Государственная Дума, которая по Конституции РФ принимает закон, и Совет Федерации, который так или иначе проявил свою позитивную волю в принятом законе. Но позитивная воля выражена и Президентом, если он не использовал право вето при подписании закона. Если в заседании участвуют представители каждого из названных органов, их позиция, казалось бы, должна быть одна – вновь обосновывать² на предмет конституционности принятые и одобренные нормы. Аргументация может быть разной, но в выводе должно быть единство. Между тем практика давала и дает и иные примеры. Довольно часто судьи уточняли, например, у представителя Совета Федерации авторство высказанного им вывода, поскольку документ, которым фиксировалось бы изменение позиции палаты, не представлялся. Таким образом, представителю Государственной Думы всегда приходится строить свою аргументацию с учетом выводов и аргументов других представителей законодателя. Открытые возражения своим коллегам были бы неуместны, поскольку все представляют одну сторону, но в содержательной части своего выступления Представитель обязан отнестись к сути расхождений.

Особые сложности в этом отношении возникают и в случае участия, наряду с постоянным представителем, других представителей Государственной Думы. Уже первое дело, с которого началась деятельность автора настоящей статьи, показало всю сложность ситуации. Слушалось дело о конституционности норм Федерального закона о бюджете. В запросе Верховного Суда РФ оспаривалась конституционность части 1 статьи 102 Федерального закона от 26 марта 1998 года «О федеральном бюджете на 1998 год», согласно которой в случае отклонения совокупных поступлений доходов в федеральный бюджет от объемов, предусмотренных данным Федеральным законом, расходы федерального бюджета на 1998 год финансируются Правительством РФ строго пропорционально годовому назначению с учетом фактически полученных доходов федерального бюджета. При этом допускались отклонения от пропорционального финансирования по статьям за каждый квартал не более чем на 5% (за исключением платежей сезонного и единовременного характера), если иное не предусмотрено федеральным законом.

По мнению заявителя, данная норма, поскольку она дает основание Правительству РФ самостоятельно сокращать объем финансирования расходов федерального бюджета на судебную систему в зависимости от состояния доходной части бюджета, противоречит статьям 10, 76 (части 3) и 124 Конституции РФ. Государственную Думу представляли трое: кроме постоянного представителя, депутат от фракции «Яблоко» и депутат от коммунистов. Ни тот, ни другой не отстаивали конституционность принятого Государственной Думой закона. Позиция постоянного представителя сводилась к следующему: «Исполнительные органы нарушили соответствующие предписания законов, в том числе и норму статьи 102, поскольку ее применение в случае уменьшения финансирования судов обязательно, я подчеркиваю, обязательно требует учета статьи 33 Федерального Конституционного Закона «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 года... реалья, конечно, такова, что поступления в бюджет отклоняются в сторону их уменьшения. Поэтому применительно к финансированию судов сразу же в действие вступает статья 33 Федерального Конституционного Закона «О судебной системе Российской Федерации». Она в полном соответствии со статьей 124 Конституции Российской Федерации гласит в первой части: "Финансирование судов должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом. В части 3

¹ Конституционный Суд Российской Федерации в связи с толкованием отдельных положений статьи 107 Конституции Российской Федерации постановил, что под «принятым федеральным законом» по смыслу части 1 статьи 107 Конституции Российской Федерации понимаются: законы, принятые Государственной Думой и одобренные Советом Федерации в соответствии с частями 1, 2, 3 и 4 статьи 105 Конституции Российской Федерации; законы, повторно принятые Государственной Думой в соответствии с частью 5 статьи 105 Конституции Российской Федерации; законы, одобренные Государственной Думой и Советом Федерации в соответствии с частью 3 статьи 107 Конституции Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 1996 г. № 10-П по делу о толковании отдельных положений статьи 107 Конституции Российской Федерации).

² Конституционность норм подтверждалась заключениями правовых управлений Государственной Думы, Совета Федерации и администрации Президента. Сам факт принятия закона со всей очевидностью (это аксиома) свидетельствует о том, что законодатель расценивал его соответствующим Конституции.

предусматривается механизм, я обращаю также внимание на эту третью часть, там предусматривается механизм обеспечения этого полного и независимого осуществления правосудия; и, наконец, пункт 5: «Размер бюджетных средств, выделенных на финансирование судов в текущем финансовом году или подлежащих выделению на очередной финансовый год может быть уменьшен лишь с согласия Всероссийского съезда судей или Совета судей Российской Федерации». Общий вывод: «Статья 102 Федерального закона «О федеральном бюджете на 1998 год» не противоречит положениям статьи 124 Конституции Российской Федерации, поскольку в случае увеличения совокупных поступлений, доходов в федеральный бюджет, она напрямую будет служить наиболее полному и независимому осуществлению правосудия, а в случае уменьшения таких поступлений будет действовать специальная норма закона более высокой юридической силы, то есть норма статьи 33 Федерального Конституционного Закона «О судебной системе Российской Федерации»¹. Конституционный Суд согласился с позицией Верховного Суда, хотя, на мой взгляд, в действительности пороки скрывались в правоприменении – исполнительные органы нарушали действующие нормы.

Дело представлялось особенным еще и по той причине, что все суды, включая и Конституционный, были напрямую заинтересованы в решительном воздействии в сторону увеличения средств на судебную деятельность. Однако по тактическим причинам постоянный представитель умолчал о том обстоятельстве, что признание закона в такой ситуации неконституционным бросит тень на независимость правосудия.

Таким образом, всякий раз, когда возникает ситуация расхождения в позициях представителей законодателя, и тем более представителей одного органа, полагаю недопустимым оглашать в судебном заседании разногласия, а изначальные соображения о неконституционности принятого закона преодолевать путем согласования еще до начала разбирательства. Следует безоговорочно руководствоваться адресованной постоянному представителю нормой: «При рассмотрении конкретного дела Конституционным Судом Российской Федерации постоянный представитель (представители) представляет правовую позицию Государственной Думы, выраженную в принятом ею федеральном законе или в обращении Государственной Думы, направленном в Конституционный Суд Российской Федерации в соответствии со статьей 125 Конституции Российской Федерации, либо в постановлении Государственной Думы Российской Федерации (в решении Совета Государственной Думы), принимаемом по материалам предстоящего рассмотрения дела Конституционным Судом Российской Федерации». Вместе с тем, Положение о постоянном представителе демонстрировало некоторую противоречивость: с одной стороны, оно обязывало «обеспечивать взаимодействие структурных подразделений Аппарата Государственной Думы и представителей Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации в процессе выработки правовой позиции Государственной Думы» и «координировать деятельность иных представителей Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации... назначенных Государственной Думой для участия в рассмотрении Конституционным Судом Российской Федерации конкретных дел», а с другой – «координация» не распространялась на депутатов. Вместе с депутатами Государственной Думы, назначенными представителями палаты в Конституционном Суде РФ при рассмотрении конкретного дела, постоянный представитель обязан «вырабатывать порядок представления правовой позиции Государственной Думы по данному делу». Другими словами, решать вопросы, кому выступать первым, выступать ли с заключительным словом и т. п. Между тем гораздо важнее заранее обговорить то, кто из представителей делает акценты на определенных положениях и с какими аргументами. Отсюда, кстати, приобретают значение некоторые нюансы в произнесенных речах, в частности, пробелы в аргументации².

Аргументация представителя часто излагалась через призму решений профильного комитета Государственной Думы, а в некоторых случаях за основу выступления брались не действующие нормы старого закона, а нормы законопроекта, прошедшего одно или два чтения. Точка зрения самого постоянного представителя могла прозвучать только тогда, когда напрямую задавался вопрос конституционным судьей. Но и в этом случае делались оговорки об официальной позиции.

На мой взгляд, приходится различать конституционность концептуального решения вопроса и соответствие Конституции приводимых в обоснование концепции аргументов. Представитель относительно свободен в выборе аргументации. Однако если возникает вопрос о концептуальном решении, когда оспаривается конституционность федерального закона, то уже по формальным (процессуальным) соображениям должна выстраиваться и проводиться единая официальная линия представителей Государственной Думы, Совета Федерации и Администрации Президента РФ, по возможности зафиксированная в документах. При этом и вывод о конституционности принятого закона может быть

¹ Архив Конституционного Суда РФ.

² Замечу попутно о целесообразности опубликования по определенным, наиболее значимым делам всех материалов, дающих целостное восприятие различных подходов к решению существенного правового вопроса. И решение Суда, и речи сторон, и особое мнение по отдельности страдают определенной неполнотой и, как следствие, односторонностью.

поколеблен в силу новых или открывшихся обстоятельств. Тем более, что при принятии закона могли быть оговорки, Совет Федерации мог не одобрить закон, Президент мог использовать право вето и т. д.

Представляются важными как содержательный анализ тех или других особенностей выступления Представителя, так и процессуальные аспекты. Прежде всего, отметим некоторые моменты общего характера. Так, возникает вопрос о тождественности текста выступления и содержательной части аргументации позиции Представителя. С моей точки зрения, в принципе, в идеале, если отвлечься от некоторых вступительных и заключительных фраз, они идентичны. В противном случае есть опасность бессодержательного, пустого выступления (отсюда выражение «лить воду»), выступления ради выступления. Спрашивается, а могут ли быть в выступлении «лирические» отступления? Да, но в той мере, в какой они психологически убеждают судей в определенной позиции, в какой образность способствует проникновению в глубины истины. Главным, однако, остается подчас весьма сухой юридический анализ правовой материи, кройка и перекройка ее по конституционным выкройкам и лекалам. Припоминается, как один из выступавших получил замечание председательствующего, когда он пытался показать президента в качестве парящего орла. Прекрасное образное видение действий высокого должностного лица (полета его), схватывающего всю предметную фактологию в целях принимаемых решений! Этот образ, встроженный в контекст юридической аналитики, мог работать на принятие социально и юридически выверенных выводов, но юристы остаются юристами и для них чистый формально-юридический анализ свят. А в качестве обязанности воспринятого председательствующим «лирического» отступления приведу ссылку на Конфуция, который как-то заметил «Если я даже ничего не знаю о предмете, я охарактеризую его с двух сторон». Действительно, никакая аргументация не может быть односторонней, даже одноклеточную амебу характеризуют с разных сторон. В данном случае представителю был задан вопрос, на который с оговоркой о значимости вопроса, о том, что он не был предметом изучения и со ссылкой на Конфуция, последовала развернутая аргументация отстаиваемой позиции.

Какую цель преследует выступление с его аргументацией? Ответ напрашивается простой: установление истины. Однако много рифов подстерегает нас в этом вопросе. Не случайно в последнее время вновь обострилась дискуссия о поиске истины в суде и об усилиях в этом деле самого суда. Проблема поставлена законопроектом, подготовленным Следственным комитетом и озвученным в средствах массовой информации его руководителем¹. Предлагается в УПК РФ вернуться к редакции нормы прежнего УПК, в которой на суд возлагалась обязанность искать истину по делу. Решительные возражения на этот счет исходят от адвокатского сообщества². И, хотя полемика ведется вокруг поиска истины в суде общей юрисдикции, да к тому же в рамках уголовного судопроизводства, она имеет прямые выходы на общеправовые, общетеоретические и отраслевые вопросы отправления правосудия, *на все процессы аргументирования соответствующих позиций*.

Мы исходим из того, что различаем поиск истины фактической и истины юридической. Не случайно теоретики выделяют стадии в правоприменении: установление фактических обстоятельств и установление юридической основы дела. Опускаем здесь вопрос о достижении истины, о возможности установить абсолютную истину и ограничиваемся тем, что к этому надо стремиться. Не может быть сосчитанной бесчисленности, но на этом основании никто не отказывается считать.

Конституционное правосудие весьма существенно отличается в отношении поиска истины.

Во-первых, задача установления ее возлагается непосредственно на суд. В процессе участвуют стороны и, казалось бы, у суда одна задача – смотреть у какой стороны больше представлено документов, насколько полно аргументирована позиция и т. д., и т. п. То есть исходить в полной мере из принципа состязательности. И, если ответчик «сплоховал», недостаточно заинтересован в исходе дела, он расплачивается отрицательным для него решением. Однако конституционное правосудие строится на противоположной посылке. Здесь суд – основное действующее лицо. И если ответчик не явится в суд, не представит вообще своих аргументов, не позаботится об экспертных заключениях и так далее – мало что изменится. Суд все возьмет на себя. Более того, и заявитель может ограничиться минимальным набором аргументов, тех, без которых процесс не может идти (см. ст. 37 ФКЗ о Конституционном Суде РФ). Суд и за эту сторону будет искать доказательства обоснованности обращения. Правильно ли это? Да, поскольку дело всегда публичное, интересы той и другой стороны всегда публичны. Правильно ли это всегда? Не уверен, поскольку имеют место обращения граждан, так или иначе связанные с направленными против них действиями государственных чиновников (органов). В таких ситуациях (условно поименуем их исками против государства) граждане должны сами тщательно заботиться о доказательствах и представлять только им известные свидетельства (документы). Конституционный

¹ См.: <http://www.sledcom.ru/blog/detail.php?ID=90815#comments>

² Вопрос, в частности, обсуждался на специальном заседании Научно-консультативного совета Федеральной палаты адвокатов, где в присутствии авторов законопроекта основной докладчик Г.М. Резник и его коллеги подвергли законопроект строгому критическому анализу. См.: <http://www.advgazeta.ru/newsd/336>; <http://www.advgazeta.ru/arch/120/818>

суд вправе (и постоянно это право использует) запросить все необходимые для решения дела материалы и в силу статьи 50 ФКЗ «требования Конституционного Суда Российской Федерации о предоставлении текстов нормативных и других правовых актов, документов и их копий, дел, сведений и других материалов; о заверении документов и текстов нормативных актов; о проведении проверок, исследований, экспертиз; об установлении определенных обстоятельств; о привлечении специалистов; о даче разъяснений, консультаций и об изложении профессиональных мнений по рассматриваемым делам обязательны для всех органов, организаций и лиц, которым они адресованы».

Во-вторых, особенностью конституционного судопроизводства является то, что упор (акцент) делается на установлении юридической истины. Такой вывод вытекает из содержания ч. 2 ст. 36 ФКЗ, гласящей: «Основанием к рассмотрению дела является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации закон, иной нормативный акт, договор между органами государственной власти, не вступивший в силу международный договор, или обнаружившееся противоречие в позициях сторон о принадлежности полномочия в спорах о компетенции, или обнаружившаяся неопределенность в понимании положений Конституции Российской Федерации...». Иногда даже считают, что Конституционный Суд РФ не устанавливает фактическую сторону вопроса. Это не совсем так. Статья 3 ФКЗ, определяющая компетенцию Суда, представляется нам до известной степени противоречивой. С одной стороны, «Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права», а с другой, здесь же содержится положение: «Конституционный Суд Российской Федерации при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, *когда это входит в компетенцию других судов или иных органов*» (курсив наш – В.Л.). Однако есть такие обстоятельства, установление которых напрямую не входит в компетенцию каких-либо органов, и Суд не может уклониться от их установления. Более того, без оценок определенных фактов невозможно принять правильное решение. Науке известно, например, историко-политическое толкование законодательных актов, которое напрямую предполагает установление и исследование определенных фактов, сопровождающих принятие закона. Конституционный Суд, равно как и все участники процесса, широко использует этот прием. В перечне оснований к рассмотрению дела в Конституционном Суде РФ значится «выдвижение Государственной Думой обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления» (ст. 36 ФКЗ). И хотя речь идет только «о даче заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления» (ст. 108 ФКЗ), можно предположить, что такого рода конституционный процесс коснется установления определенного рода фактов. Таким образом, если даже основное внимание и сосредоточено на юридической материи, все-таки в понимании этой последней имеют значение факты прошлого, настоящего и даже гипотетические факты будущего. Это факты и обстоятельства принятия закона, внесения в него поправок, голосования по ним и так далее на предмет выявления воли, заложенной в этот закон, что является неперенным условием для суждений о его конституционности. Кстати, и факты, имеющие процессуальное значение не может обойти вниманием Конституционный суд. Например, факт отказа в рассмотрении обращения, факт состоявшегося рассмотрения дела гражданина в других органах, факт рассмотрения его дела в ЕСПЧ и др. Все эти факты сами по себе имеют юридическое значение, хотя бы затем, в рассмотрении их по существу, вновь внимание сосредотачивалось на юридическом анализе имеющего место быть.

Однако вопрос о конституционности норм часто связан и с должным, с вопросом, как должно быть. Разумеется, Конституционный Суд не может подменить законодателя и установить, например, размер штрафа или сумму пособия. Вместе с тем, Представитель в обоснование своей позиции о конституционности норм может приводить фактические данные, на основании которых профильный комитет Государственной Думы приходит к определенным выводам.

Проблема установления юридической истины не менее, если не сказать, более сложна, чем установление истины в фактической стороне дела. В общем, можно сразу сказать: юридическая истина всегда относительна. Именно этим во многом объясняется разное понимание закона, разная интерпретация выносимых Конституционным Судом решений и, более того, неприятие отдельных из них, как необоснованных, несправедливых (неистинных)¹. В качестве примера сошлюсь на многообразные толкования и оценки старой и новой редакции статьи 90 УПК РФ «Преюдиция» и соответствующего

¹ См.: Скобликов П.А. Преюдиция актов арбитражных судов в уголовном процессе: новое прочтение // Журнал российского права. – 2009. – № 2; Лазарев В.В. Прецедентное решение Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. – 2009. – № 9; Афанасьев С. Преюдиция или процессуальный капкан // Новая адвокатская газета. – 2010. – № 7; Резник Г.М. Не дать преюдиции стать капканом // Новая адвокатская газета. – 2010. – № 10; Петров А. Дорога в ад вымощена благими намерениями // Новая адвокатская газета. – 2010. – № 10; Лазарев В. Не предрешать виновность лиц // Новая адвокатская газета. – 2010. – № 12; Султанов А.Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. – М., 2012. – С. 181–198.

Определения Конституционного Суда РФ от 15 января 2008 г. № 193-О-П. Идет ли речь (в Определении Суда) о межотраслевой преюдиции или просто о способах преодоления презумпции законности судебных решений, вынесенных арбитражным судом, и может ли служить межотраслевой преюдиция, закрепленная в действующей норме УПК, интересам правосудия – вот суть разных подходов. Относительность истинности суждений о конституционности тех или других норм обусловлена еще и тем обстоятельством, что сама Конституция содержит нормы высокой степени абстракции, позволяющие по-разному конкретизировать их в текущем законодательстве и, тем более, выводить разный смысл в процессе правоприменения.

Сказанное, во-первых, настоятельно диктует следование принципу состязательности в конституционном судопроизводстве. Во-вторых, требует от Представителя всесторонней взвешенности приводимых им аргументов и, в-третьих, внимательного отношения к аргументам другой стороны.

При более глубоком погружении в проблему, мы упираемся в спорные вопросы истинности норм. И вновь многое зависит от понимания права: одно дело, когда правом считают сущее и другое – если право суть нормы долженствования. Истинность подзаконного акта могут усматривать в его соответствии закону; истинность закона в соответствии конституции, но неизбежно в таком случае возникает вопрос об истинности норм конституции. Однако такого рода суждения (аргументы), допустимые в Государственной Думе, исключаются в зале Конституционного Суда.

В своей речи (в аргументации своей позиции) Представитель должен учитывать пределы компетенции суда¹ и его возможности в рамках компетенции. Нельзя, например, не учитывать, что Председательствующий в заседании в соответствии со ст. 58 ФКЗ «...прерывает выступления участников процесса, если они касаются вопросов, не имеющих отношения к разбирательству, лишает их слова при самовольном нарушении ими последовательности выступлений, двукратном неисполнении требований председательствующего, использовании грубых или оскорбительных выражений, провозглашении преследуемых по закону утверждений и призывов». Так в принципах конституционного судопроизводства (статья 29 ФКЗ) значится: «Решения и другие акты Конституционного Суда Российской Федерации выражают соответствующую Конституции Российской Федерации правовую позицию судей, свободную от политических пристрастий». Отсюда вытекает исключение политической аргументации из речи Представителя, хотя бы при этом и имелось в виду (имело место в реалии), что оспариваемый закон являлся победой некой политической фракции Государственной Думы. Статья 62 ФКЗ лишает Представителя права «использовать свои выступления в Конституционном Суде Российской Федерации для политических заявлений и деклараций».

Кстати, играет свою роль и психологическая сторона доведения аргументов до сознания судей. Конституционный Суд в этом отношении напоминает суд присяжных. С той существенной разницей, что судьи являются специалистами высшей квалификации. На мой взгляд, есть много негативного в том, что сужены рамки публичных (открытых) заседаний, что, напротив, расширены возможности заседаний без проведения слушаний (см. порядок, установленный статьей 47.1 ФКЗ). И не только в смысле некой закрытости информации, но и в том, что стороны не имеют в таких процессах всех возможностей убедить судей в правильности соответствующего решения. Сам по себе факт высокого профессионализма судей не перечеркивает преимуществ публичного, состязательного процесса. Аргументы сторон часто напрямую входят в итоговое решение суда и вопросы судей участникам процесса, перекрестные вопросы последних, публичные вопросы экспертам – все это входит в арсенал доказывания (аргументации) соответствующей позиции. По меньшей мере, три из пяти принципов деятельности КС, предусмотренных в статье 5 ФКЗ о нем, ставятся под сомнение в случае так называемого письменного производства по делу.

Вновь подчеркнем, что конституционное судопроизводство предполагает полемику. Полемику между сторонами, полемику с экспертами². Это состязательное судопроизводство. И, хотя в отличие от других видов судопроизводства, здесь не оценивается фактическая сторона дела, и даже не идет дискуссия об эффективности или неэффективности норм, их целесообразности или нецелесообразности, полемика место в осмыслении юридической сторона дела. Это высокоинтеллектуальная теоретическая работа по системному толкованию конституционных норм в неразрывной связи с нормами отраслевыми и сложившейся практикой их реализации. Кстати, многие речи уместно строить именно в том направлении, чтобы показать неконституционность правоприменительной практики, склады-

¹ См., например, статьи 86, 94, 99 о пределах проверки по определенным обращениям в Суд, а также нормы о допустимости соответствующих ходатайств.

² В последнее время получила распространение практика экспертиз по так называемым экстремистским делам. Представляется, что, в отличие от научно-технических экспертиз, экспертиза материалов на предмет их экстремизма является по своей сути правовой и, более того, во многом конституционно-правовой, поскольку затрагивает права и свободы человека и гражданина. Между тем признание материалов экстремистскими происходит фактически в бесспорной процедуре на основании заключений лингвистов и психологов, когда прокуроры и судьи следуют им механически (см. подробно: Султанов А.Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. – М., 2012. – С. 74–76, 88–90, 118–119).

вающейся в результате ошибочной интерпретации закона. Сам закон часто можно так «вернуть», что у его «потребителей» – у граждан или их объединений складывается впечатление о неконституционности самого закона. Они идут в Конституционный Суд. Суд принимает обращение к производству в том числе и для того, чтобы развеять все сомнения в неконституционности норм в ходе строгой судебной процедуры. В Федеральном Конституционном Законе о Конституционном Суде предусмотрены основания отказа в принятии обращения¹, основания прекращения производства по делу и т. д. Представители законодателя должны в первую очередь обращать на них внимание, с тем, чтобы отвести негативные оценки действующих норм. Иногда законодателю уместно ускорить работу по рассмотрению новых норм и в таких условиях Конституционный Суд вынужден будет ждать завершения законодательного процесса. Предварительный конституционный контроль (проверка конституционности законопроектов) в России исключается.

В качестве общего итога констатируем следующее. Особенности выступления постоянного Представителя Государственной Думы в Конституционном суде РФ обусловлены:

- 1) особенным правовым положением Представителя;
- 2) спецификой судебного учреждения и спецификой процедуры конституционного судопроизводства;
- 3) особенностями правовой основы доказательственной деятельности конкретного субъекта в данной судебной инстанции;
- 4) спецификой цели конституционного судопроизводства, направленного на установление юридической истины.

¹ В соответствии с законом, Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение об отказе в принятии обращения к рассмотрению в случаях, если: 1) разрешение вопроса, поставленного в обращении, не подведомственно Конституционному Суду Российской Федерации; 2) обращение в соответствии с требованиями настоящего Федерального конституционного закона не является допустимым; 3) по предмету обращения Конституционным Судом Российской Федерации ранее было вынесено постановление, сохраняющее свою силу, за исключением случаев, предусмотренных статьей 47.1 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде РФ.

В случае если акт, конституционность которого оспаривается, был отменен или утратил силу к началу или в период рассмотрения дела, начатое Конституционным Судом Российской Федерации производство может быть прекращено, за исключением случаев, когда действием этого акта были нарушены конституционные права и свободы граждан.